

А. И. САВИН, В. ДЕННИНГХАУС

НА ВСТРЕЧНЫХ КУРСАХ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОАДАПТАЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В БРЕЖНЕВСКУЮ ЭРУ¹

В статье предпринята попытка рассмотреть периода брежневского «застоя» как итога длительного процесса взаимной адаптации советского политического режима и общества. Авторы приходят к выводу, что адаптация в политической сфере носила в 1960–1980-е гг. преимущественно обоюдный и встречный характер. Ее важнейшим условием стал фактический отказ брежневского режима от массовых репрессий по политическим мотивам и внеэкономического принуждения к труду, а также курс в экономике на повышение благосостояния народа. В ответ население демонстрировало власти свою лояльность и не подвергало открытому сомнению официальные правила и нормы. Большое внимание в статье уделяется личной роли Л.И. Брежнева в достижении устойчивого компромисса между властью и народом.

Ключевые слова: советская власть, общество, политическая адаптация, Л. Брежнев.

Советский период стал одной из точек бифуркации в историческом развитии России, периодом кардинальных изменений условий существования всех без исключения страт и групп населения, что в свою очередь остро поставило перед ними проблему адаптации к новой общественно-политической среде. В результате население выработало ряд специфических стратегий приспособления, которые потом применяло с разной степенью успешности в течение всего советского периода истории России.

«Оружие слабых»: стратегия выживания

В 1920–1930-е годы среди активных форм адаптации преобладало инкорпорирование в существующую политическую систему, в структуры и элиты «нового общества», усвоение и трансляция «социалистических» ценностей. В первую очередь речь шла о членстве в коммунистической партии, комсомоле, профсоюзах. Подобное поведение являлось необходимым условием карьерного роста, более высокого уровня оплаты труда, получения разнообразных льгот и преференций. Включение в систему могло быть как искренним, так и лицемерным. Пассивные формы адаптации были более разнообразны и изобретательны. Главные из них заключались в попытке перемещения в более благоприятную социальную среду (разнообразные виды миграций) и отклоняющемся (девиантном) поведе-

---

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках проекта Германского исторического института в Москве в кооперации с РГ АНИ по подготовке к публикации рабочих записей («дневников») Л.И. Брежнева.

нии. Так, в условиях массовой коллективизации и раскулачивания главным «оружием слабых» (Дж. Скотт) стало бегство крестьян из деревень в города, а для колхозного крестьянства – политическая мимикрия, в первую очередь в форме сознательного изменения (понижения) своего социального статуса в результате так называемого «самораскулачивания», дробления больших семей, перераспределения традиционных социальных ролей. Постепенно крестьяне также выработали ряд поведенческих стратегий, позволявших амортизировать налогово-податной пресс. Массовыми способами адаптации сельских жителей к новым условиям стали бурное развитие личных приусадебных хозяйств, отходничество, систематическое уклонение от работы, безынициативность, «работа спущая рукава», мелкое хищение колхозного имущества. Рабочие, как и крестьяне, в довоенные годы были поглощены задачей личного выживания в трудных условиях постоянного дефицита и потогонной системы ударного труда. Они часто демонстрировали свое неприятие новых трудовых порядков, что выражалось в огромной текучести кадров, пьянстве, «волынках». В то же время рабочие ощущали себя передовым отрядом борьбы за социализм, за лучшую жизнь трудового народа, что позволяет говорить даже о некой «гармонии» между рабочим классом и сталинским режимом, объясняющей факт отсутствия массового рабочего протеста.

Великая Отечественная война с ее нововведениями в уголовном и административном законодательстве поставила крест на основных адаптационных практиках, выработанных в предыдущие годы: теперь рабочие под страхом уголовного наказания не могли самовольно покидать предприятия в поисках лучших условий работы и оплаты труда, а опоздания, прогулы и проч. нарушения трудовой дисциплины расценивались как серьезное преступление и соответственно карались. В деревне в результате усиления налогово-податного пресса также произошло существенное ограничение сферы «свободы действий» колхозного крестьянства и урезание адаптационных практик, выработанных в 1930-е гг. Так, прекрасно осознавая важность личного приусадебного участка в стратегиях выживания колхозного крестьянства, власть угрожала трудоспособным колхозникам, не выполнившим минимума трудодней, лишением огорода. В этих условиях главным позитивным стимулом выполнения возложенных на крестьян обязательств было неподдельное желание внести свой вклад в приближение победы над врагом.

Тем не менее, несмотря на страх быть убитым или покалеченным на фронте, беспокойство за судьбы детей и близких, тяготы повседневной жизни, а также неприятие довоенной политики сталинского государства, главные интересы основной массы населения и власти в годы

Великой Отечественной войны в целом совпали, во многом сняв остроту политической адаптации, свойственную 1920–1930-м гг. Эффективным ментально-психологическим «буфером» для народа послужили надежды на послевоенные реформы, которые в определенной степени нашли свое подтверждение в патриотической риторике режима и изменении политики в отношении церкви. В последние годы жизни Сталина режим в значительной мере вновь стал воспроизводить модель взаимоотношений власти с обществом, сложившуюся к концу 1930-х гг., хотя репрессии и стали менее частыми и жестокими, утратив интенсивность, свойственную им в довоенный период. Народ, дорогой ценой заплативший за победу в Великой Отечественной войне, не дождался исполнений своих чаяний – колхозная система осталась неизменной, а жизнь в городах протекала в тяжелых условиях постоянного дефицита. Следует признать, что адаптационные стратегии, выработанные крестьянами в 1930-е годы, оказались малоэффективными в обескровленной и обезмужичившей послевоенной колхозной деревне, пребывавшей в состоянии крайней нищеты и глубокого кризиса. В свою очередь это привело к дальнейшему оттоку сельского населения в города.

«Оттепель»: волнообразный характер адаптации

Хрущевская «оттепель» характеризовалась двумя ярко выраженными периодами, и соответственно, двумя типами адаптации населения к политическому режиму. Первый период (1953 – конец 1950-х гг.) может быть охарактеризован как уравнивание – тип адаптации, подразумевающий установление определенного равновесия между властью и народом, которые проявляли взаимную терпимость к системе ценностей и стереотипам друг друга. Наследники Сталина буквально сразу же после его смерти провели достаточно серьезные реформы. Весной–летом 1953 г. начала осуществляться трансформация лагерной системы и избирательная реабилитация заключенных, закончившаяся массовой реабилитацией и ликвидацией системы ГУЛАГа. В 1953 г. произошло упразднение системы спецпоселений (крестьянской ссылки), а в 1955–1956 гг. – этнической ссылки. Снижение налогов на крестьянство, рост закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию сопровождалось сокращением капитальных вложений в тяжелую промышленность и военно-промышленный комплекс, что не замедлило положительно сказаться на жизни народа. Отказ от избыточной репрессивности существенно изменил характер политического режима, сделав его более предсказуемым и способным к реформам. В этих условиях власть быстро завоевала определенный кредит доверия у населения.

Стрелка процесса политической адаптации, носившей волнообразный характер, стала указывать в начале хрущевского правления на преобладание позитивных поведенческих адаптационных стратегий населения. Однако второй период «славного десятилетия» (конец 1950-х – 1964) характеризовался амбициозными планами Хрущева, связанными с целинной кампанией и его курсом «догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», что вызвал новую волну диктата и мер принуждения в отношении сельского хозяйства. Особенно болезненно население воспринимало кампанию по укрупнению колхозов, которая должна была послужить цели ликвидации «мелкобуржуазных» пережитков в жизни крестьянства, практику навязывания колхозам повышенных производственных и заготовительных заданий, а также сокращение личных подсобных хозяйств. В результате на первое место вновь выступили пассивные формы адаптации, приведшие к усилению процесса раскрестьянивания и повышенному оттоку сельского населения в города. Механизмы активной (позитивной) адаптации к власти стали давать сбой, нарастало протестное поведение населения. Адекватным индикатором утраты властью диалога с населением выступала политика государства в отношении церкви. Антицерковная кампания, стартовавшая в конце 1958 г., привела к массовым закрытиям церквей и ликвидации приходов.

«Они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем»

Период так называемого брежневского «застоя» (1964–1982 гг.) во многом можно расценивать как итог длительного процесса коадаптации. Джемс Миллар охарактеризовал сложившуюся систему взаимной адаптации политического режима и населения в годы правления Брежнева как «Little Deal», «маленькую сделку», которая заключалась в том, что государство обеспечивало населению социальную безопасность и определенный уровень благосостояния, а также закрывало глаза на личное хозяйство колхозников, «теневую экономику» и низкую производительность труда². Советский народ весьма емко выразил одно из главных условий «маленькой сделки»: «Они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем». Таким образом, население демонстрировало свою лояльность власти, не подвергая открытому сомнению официальные правила и нормы, что во многом сняло для подавляющего большинства жителей СССР остроту адаптации к режиму.

Спецификой брежневского периода следует признать то обстоятельство, что процесс адаптации носил преимущественно обоюдный и

---

² Millar 1985. P. 697-698.

встречный характер. Приспособление народа к власти и власти к народу осуществлялось на «встречных курсах» – если власть фактически отказалась от массовых политических репрессий и внеэкономического принуждения к труду, сделав главную ставку на идеологию и моральные стимулы поощрения, то население во многом усвоило как свои собственные главные «социалистические» ценности и идеалы. В результате возобладали два взаимодополняющих типа адаптации: приноравливание (признание и принятие населением основных систем ценностей власти, взаимные уступки) и уподобление (психологическая переориентация населения, трансформация прежних взглядов, ориентаций, установок общества в соответствии со сложившейся ситуацией).

«Вегетарианские времена»: статистика репрессий

Без сомнения, важнейшим условием «маленькой сделки» был фактический отказ от политических репрессий. Период нахождения у власти Л.И. Брежнева характеризовался самыми низкими показателями деятельности тайной полиции в СССР. Так, если при «десталинизаторе» Хрущеве в 1956–1965 гг. за антисоветскую пропаганду и агитацию в среднем ежегодно осуждалось около 575 человек, то при Брежневе в 1966–1980 гг. этот же показатель составил 123 чел., а с учетом данных за 1981–1985 гг. еще меньше – 119 чел.³ Например, за первое полугодие 1980 г. органами КГБ было привлечено к уголовной ответственности 243 чел., из них за особо опасные государственные преступления – 59 чел., в том числе 18 – за измену родине, а также 40 активных антисоветчиков и 94 контрабандиста и валютчика⁴. Само собой разумеется, эта статистика не отражает все политические репрессии. Например, религиозные диссиденты, как правило, осуждались по статьям 142, 143 и 227 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, причем количество репрессированных «религиозников» сопоставимо с числом осужденных «антисоветчиков». Часть инакомыслящих осуждалась по уголовным статьям или подвергалась принудительному психиатрическому лечению. Тем не менее, органы госбезопасности при Брежневе все в большей степени заменяли репрессивные практики т.н. «профилактированием». Если перефразировать Анну Ахматову, то в СССР вновь наступили «вегетарианские времена»⁵. Отказавшись от массовых политических репрессий как одной

---

³ См.: Крамола... С. 36. Речь идет о репрессиях в отношении т.н. «антисоветчиков» и диссидентов – мнимых и реальных противников коммунистического режима.

⁴ РГАНИ, ф. 89, оп. 51, д. 4, л. 2-3.

⁵ Однако общий уровень преступности в СССР и, соответственно, показатели деятельности карательного аппарата, продолжали оставаться высокими. Согласно записке Н.А. Щелокова Брежневу от 20 февраля 1971 г. ежегодно в места лишения

из главных структурных составляющих советской цивилизации, Брежнев и его «команда» довольно успешно предприняли попытку заменить карающий «кнут» наказания «пряником» материального и морального поощрения, в том числе создав настоящую индустрию награждений⁶.

Рабочие записи Генерального секретаря

Стремление минимизировать репрессии по политическим мотивам нашло косвенное отражение в рабочих записях Брежнева. Так, одна из записей конца 1967 года гласит: «О награждении кабардинцев – карачаевцев и других кого выслали во время войны их зажимали [–] к дню победы наградить»⁷. Еще одно яркое выражение готовности идти на компромисс – запись, которую генсек внес в рабочий «дневник» 6 октября 1972 г.: «Как бы Указ о евреях не отменять, а де фактом не применять». Эта брежневская идея позволила снять остроту вокруг вопроса о еврейской эмиграции из СССР, которая возникла после пресловутого «налога на образование», введенного в отношении эмигрантов постановлением Совета министров СССР от 3 августа 1972 г.⁸ 15 марта 1978 г. Брежнев с удовлетворением записал: «Ликвидировал проект решения о запрете выезда [за границу] с мужьями жен – без спец[иального] на то решения».

Поразительно редко в рабочих записях упоминаются имена главных диссидентов СССР и вообще все, что связано с деятельностью КГБ⁹. Так, А.Д. Сахаров упоминается лишь дважды. 8 сентября 1973 г. Брежнев писал: «Разговор с А.Н. Косыгиным о Сахарове – принимать или нет. Еще раз посоветуюсь в ЦК [...] Еще раз поговорить с Алексеем Николаевичем о приеме Сахарова». Фамилия Сахарова вновь возникает в брежневском «дневнике» в записях от 23 января 1980 г.: «Переговорил по телефону с Черненко – о Сахарове. Переговорил с Суловым М.А. – тоже о Сахарове

свободы для отбывания наказания отправлялось 450–460 тыс. чел., примерно такое же количество освобождалось, а различным мерам наказания (в основном административным) ежегодно подвергалось 20–25 млн. чел. За 1966–1970 гг. в СССР было совершено около 5 млн. уголовных преступлений, из них более 1 млн. – в 1970 г. Количество административных правонарушений составило в 1969 г. 18,8 млн., в 1970 г. – 25,2 млн. Число убийств на один миллион населения в СССР равнялось в среднем 63. Для сравнения Щелоковым были приведены аналогичные показатели для Великобритании – 5, и для США – 69. См. РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 100, л. 21–22.

⁶ Подробнее см.: Деннингхаус, Савин 2014.

⁷ Рабочие записи Л.И. Брежнева хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 80, оп. 1, д. 974, 975, 977–990. Отдельные листы записей также включены в состав других дел личного фонда Брежнева. При цитировании указывается дата соответствующей записи без дальнейшей ссылки на архив.

⁸ См.: Деннингхаус, Савин 2013; 2013/2014.

⁹ Впрочем, рабочие записи Брежнева в целом характеризуются значительной избирательностью и серьезными лакунами.

— что сделать. Дал задание [В.В.] Загладину и [Ю.А.] Жукову – встретиться с [Ж.] Шабан-Дельмас¹⁰ и разъяснить проделки Сахарова. Разговаривал с Андроповым и о Сахарове». О Солженицыне Брежнев не написал ни разу; дважды – 16 и 21 марта 1978 г. – в связи с лишением советского гражданства упоминаются М.Л. Ростропович и Г.П. Вишневская¹¹. Разумеется, эти краткие записи отнюдь не пышут любовью к диссидентам, но даже они являются ярким свидетельством нового качества советской карательной политики и относительной либеральности Брежнева. То обстоятельство, что КГБ сравнительно легко удалось нейтрализовать немногочисленное и разрозненное движение «светских» диссидентов (в отличие от религиозных диссидентов и «националов»), во многом объясняется конформизмом основной массы населения. В этом конформизме нет ничего удивительно, ведь даже диссиденты отнюдь не исключали возможности прийти к приемлемому модус вивенди с брежневской властью. По этому поводу писатель Василий Ерну меткое подметил, что «диссидент – продукт коллаборационизма между советскостью и антисоветскостью»¹².

«...Я попросил – ГДР-ский фен»

Второй важной составляющей «маленькой сделки» стал брежневский курс на «неуклонный рост благосостояния советского народа». Спустя 20 лет после войны и десятилетие после смерти Сталина советский человек все еще продолжал существовать в условиях дефицита самых обычных вещей и продуктов питания. Даже первые советские космонавты, начиная с Гагарина, после успешного завершения полета получали от правительства не только золотые звезды Героев Советского Союза, но и «приданое» для себя и своих ближайших родственников, в которое входила бытовая техника, предметы быта и одежда, включая трусы и носки¹³. С дефицитами советской экономики сталкивался даже сам Брежнев, и разрешал их довольно типичным для обыкновенного советского человека способом – доставал по знакомству, «по благу». Брежнев, последовательно прошедший все ступени карьеры партийного и советского работника, прекрасно понимал истинную цену вещей и продуктов в мире

---

¹⁰ Французский политик, голлист, председатель Национального собрания Франции в 1978–1981 гг. Находился в конце января 1980 года с официальным визитом в СССР. После получения информации о высылке А.Д. Сахарова в Горький вернулся во Францию, прервав свою поездку.

¹¹ В частности, 21 марта 1978 года Брежнев записал: «Работал с Г. Дорошиной – [Л.М.] Замятин – о Ростроповиче [так – В.Д., А.С.] и Вишневской. Андропов Ю.В. по этому же вопросу, я просил связаться с т. Замятин[ым]»

¹² Ерну 2007. С. 178.

¹³ См., например, Постановление Президиума ЦК КПСС «О подарках тов. Гагарину Ю.А. и членам его семьи...» (Документ носил гриф «сов. секретно»).

плановой экономики, его «дневники» пестрят бытовыми записями такого рода: «Говорил с Абрасимовым П.А.¹⁴ [...] я попросил – ГДР-ский фен»¹⁵; «Отправил 5 коробок конфет Вик[тории] Петровне. Отправил Галочке помадки – тоже со стола, но привезенные вчера»¹⁶; «Получил запонки от Кендала»¹⁷; «Михаил Евстафиевич¹⁸ – прислал синию рубашку с пуговочками до низу – но не шерстяная. Спросить у Н.А. [Тихонова] – в какой он был у нас 4го Апреля»¹⁹; «Получил костюм спортивный от легкой промышл[енности]»²⁰; «Шубка-курточка прислал [...] генсек Аргентины»²¹.

«Я сам люблю, например, макароны по-флотски...»

Когда в декабре 1978 г. Брежневу вручали третью медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и очередной орден Ленина, он произнес знаменательную фразу: «Недавно в беседе с одним иностранным товарищем я откровенно сказал, что есть две вещи, которые всегда были и будут наиболее близки моему сердцу, всегда были и будут предметом моих главных забот. Это хлеб для народа и безопасность страны»²². Брежнев не кривил здесь душой. Его рабочие записи показывают, что из всего многообразия вопросов народного хозяйства наиболее близким для него был вопрос обеспечения населения продуктами питания в частности и развития сельскохозяйственного сектора – в целом. Не будет преувеличением утверждать, что уникальность Брежнева как лидера партии и государства в первую очередь заключалась в том, что он «заглянул в тарелку», стоящую на столе у советских людей, причем не с привычной целью ополовинить ее содержимое, а с искренним желанием наполнить ее. Выступая в 1971 г. на XXIV съезде КПСС, Брежнев заявил: «Лук нельзя заменить картошкой, а подсолнечное масло – томатным соком: на столе советского человека должно быть всё». Делая это, он по сути оседлал на съезде своего «любимого конька».

К теме сельского хозяйства и продуктов питания Брежнев неоднократно возвращался в своих публичных речах, особенно во второй половине 1960 – начале 1970 гг. Так, выступая 12 июля 1965 г. перед партий-

¹⁴ Советский посол в Германской Демократической Республике.

¹⁵ Запись от 21 июля 1977 г.

¹⁶ Запись от 20 марта 1979 г. Речь идет о жене Брежнева и его правнучке Галине Филипповой.

¹⁷ Запись от 5 ноября 1976 г. Дональд Кендалл - председатель совета директоров и главный исполнительный директор компании «Пепсико».

¹⁸ М.Е. Могилевец – зам. управделами ЦК КПСС.

¹⁹ Запись от 5 апреля 1976 г.

²⁰ Запись от 14 сентября 1976 г.

²¹ Запись от 12 января 1977 г.

²² РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1210. Л. 57.

но-советским руководством Ленинграда, Брежнев красочно и со знанием дела рассуждал о рационе питания советской семьи: «У нас должна быть манная и перловая крупа в неограниченном количестве и ячневая крупа, крупу гороховую можно приготовить, гречневую муку можно приготовить с сахаром и медом под блины. Когда широкий ассортимент круп, макарон, вермишели и прочего, то рабочая семья при том же самом бюджете, который она имеет, может легче построить снабжение своей семьи. Сегодня ячневую крупу приготовит, завтра перловую, послезавтра рис себе позволит, один раз подороже возьмет рис, другой раз подешевле, это не так надоедает, пища должна быть разнообразной [...] Если у нас есть подсолнечное масло, маргарин и сливочное масло, то человек один раз возьмет подсолнечное масло, поджарит лук, заправит и все. А если будет одно животное масло, а нет постного, хозяйке надо думать, как выходить из положения. Муж приходит с работы и сын, их надо чем-то кормить»²³.

В 1972 г., произнося речь перед руководящим составом Вооруженных сил СССР, Брежнев пространно рассуждал: «[...] А потом, [даже] если овес и ячмень, скажем, родит выше [чем пшеница и рожь], ни ячменем, ни овсом ни рабочий класс, ни колхозное крестьянство, тем более генералов, кормить нельзя. Надо думать о пшенице. Изредка употребляем в охоту черный хлеб, преимущественно кушаем белый. Я по маршалу сужу [...] Во всяком случае, мы настроены оптимистично и дело будем вести к тому, чтобы [избегать] колебаний во внутреннем рынке и [в деле] снабжения населения хлебом и всеми продуктами – макароны, вермишель, что также военнослужащие очень любят, и я сам люблю, например, макароны по-флотски особенно, и когда [были] у адмирала Горшкова на корабле и подали черт знает чего, какой-то бифштекс, понимаете. Откуда они его взяли? Спрашиваю, где макароны по-флотски? На второй день только дали. И то после критики. Вот чтобы было бесперебойно, эту линию мы выдержим, на это у нас есть ресурсы. Так что нам делать, это наш вопрос. Население не должно знать этого. Это правительство должно ломать голову, а население бесперебойно снабжаться»²⁴.

И даже ностальгия по годам молодости иногда приобретала у Брежнева кулинарный оттенок. Во время своего визита в Омск 30 марта 1978 г. он неожиданно прервал первого секретаря Омского обкома КПСС С.И. Манякина: «Я прошу меня извинить, я вот вспомнил, когда я работал землемером, то на работу в поле мы брали банки тушенки, которая производилась у вас. Сохранился ли этот консервный завод?». Изумлен-

²³ Вестник Архива Президента... 2006. С. 33.

²⁴ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 261. Л. 15-16.

ный Манякин заверил генерального секретаря в том, что завод сохранился, «только качество теперь стало еще лучше»²⁵.

«Мы шарахаемся из стороны в сторону»

Политика в области сельского хозяйства, как и вся брежневская политика в целом, во многом являлась производной отказа от амбициозных «хрущевских» планов построения коммунизма в обозримом будущем и стремления «догнать и перегнать Америку». Отсюда вытекали два главных момента, которые характеризовали линию партии, особенно в начале брежневской эпохи – повышенное внимание к личному хозяйству колхозников и реалистичность в планировании и руководстве сельском хозяйством. На октябрьском 1964 г. пленуме ЦК КПСС Брежнев набросал в своем дневнике: «Мы шарахаемся из стороны в сторону. 2-3 плана. Рязанское дело – позорное дело [...] Животноводство – и чем его кормить то картошкой – то сахарной свеклой. То мы ликв[идируем систему] Вильямса, то вновь даем задание сеять люцерну»²⁶. Однако, отказавшись от крайностей «хрущевской» политики, Брежнев воспринял ее ядро – повышение жизненного уровня советских людей, в первую очередь, в области потребления продуктов питания.

«В начале больших дел» Брежнев был полон энтузиазма и весьма трезво оценивал ситуацию в сельском хозяйстве. Причины отставания сельскохозяйственного производства он видел не только в технической недооснащенности и слабой химизации сельского хозяйства, но и в политике заготовок, которая была причиной недостаточной заинтересованности колхозников, недооценке и игнорировании экономических законов развития, серьезных недостатках в планировании, ценообразовании и финансировании, а также практике «администрирования» и командования колхозами и совхозами. В результате был взят курс на установление твердых плановых заданий на пятилетку, введение хозрасчетных отношений, колхозам дали право самостоятельного планирования севооборотов, отказались от «искусственного сближения» колхозов и совхозов. Демонстрируя готовность закупать сверхплановую закупку основных продовольственных культур по повышенным ценам, вкладывать огромные деньги в сельское хозяйство и одновременно «списывать» долги колхозов, Брежнев четко формулировал главную цель – укрепление экономического положения колхозов, а в итоге – снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции. Все это постепенно позволило колхозникам расстаться со своим статусом граждан «второго сорта». Большую роль в этом также сыграла выдача им паспортов, начиная с 1974 г.

²⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 385. Л. 76.

²⁶ Запись от 13-14 октября 1964 г.

«Ручное управление» эпохи «застоя», или Традиция «обзвона»

Однако довольно быстро брежневский энтузиазм сменился рутинной ежегодных сельскохозяйственных кампаний – посевной и хлебозаготовок, трансформировавшихся в брежневские времена в привычную «борьбу за урожай». Как известно, Брежнев не пошел дальше по пути реформирования советского сельского хозяйства, сделав выбор в пользу консервации колхозно-совхозной системы, дотаций селу и ежегодного экспорта миллионов тонн зерна из-за рубежа. В такой ситуации ему оставалось только лично поддерживать сложившееся в отрасли статус-кво в режиме «ручного управления». Методично, раз за разом и из года в год, начиная примерно с 1972 г., Брежнев начинает фиксировать в дневниках результаты своих телефонных разговоров с первыми секретарями ЦК компартий союзных и автономных республик, крайкомов и обкомов КПСС, которые он вел в связи с сельским хозяйством. Основные вопросы, которые Брежнев обсуждал с региональной партийной элитой на протяжении всех восемнадцати лет его правления, однотипны – погодные условия, ход посевных и уборочных работ и настроения населения. Вот несколько типичных записей: «12 мая 1972 г. 8 ч[асов] утра. Приморский край – Владивосток – Ломакин Виктор Павлович: Тяжелая весна – не было зяби, стоит сухая погода. Отстают по молоку. Настроение народа хорошее. Т[оварищ] Черный А.К., Хабаровский край: Весна в этом году – лучше чем в прошлом году. Сев проходит нормально – всходы хорошие. Настроение у народа хорошее»; «12-ое августа 1973 г. Бондаренко – Ростов. Назвал – 270 млн. пудов – после разговора обещал дотянуть до 300 млн.»; «7-ое Мая 1976 г. Курск – Гудков – на полях пока хорошо, влага есть – озимые хорошие»; «23 июня 1977 г. Алтай – Аксенов Николай Федорович. Положение немного улучшилось, кое-где прошли дожди. Как идет заготовка сена – вообще корма для скота»; «29 августа 1977 г. «Переговорил с Косыгиным – главные вопросы покупка хлеба. Затем я поставил задачу – хлеб купить, но надо набрать машин – резины, иначе мы не справимся с вывозкой сахарной свеклы» и т.п.

Под конец жизни Брежневу становилось все труднее заниматься рутинной личной «ручного управления» и контроля за сельским хозяйством. Тем не менее традиция «обзвона» была сохранена. Примерно с конца мая 1981 г. секретари Брежнева начинают регулярно звонить во все обкомы, крайкомы и республиканские комитеты КПСС на предмет «будущего урожая». К примеру, 31 мая его секретарь А. Бычков звонил в Белгород, Курск, Орел, Брянск, Калугу, Тулу, Тамбов, Харьков, Ростов, Рязань, Кострому, Ульяновск, Владимир, Волгоград, Запорожье, Краснодар и Ставрополь, требуя сведений о состоянии озимых посевов и

прошедших за последние дни дождей в этих областях и краях. «Результаты доложены Л. И. по телефону на дачу» – записал Бычков²⁷. 3 июня 1981 г. уже другой секретарь, Н. Суходольский, «по поручению Л. И.» позвонил в Курск, Тулу, Орел, Кострому, Новгород, Белгород, Барнаул, Оренбург, Харьков, Тамбов, Калугу, Липецк, Ульяновск, Горький, Воронеж. Полученные сведения были доложены Брежневу и по его указанию разосланы членам Политбюро. 6 июня секретарь А. Кечин перезвонил в 19 областных городов с целью получения сведений о состоянии посевов и «прошедших дождях на 6.VI. в 19 областях черноземной и нечерноземной зон». На следующий день, в воскресенье Брежнев лично звонил в приемную Кремля, чтобы получить сведения, собранные Кечиним. 10 июня сведения с мест, которые собрал Суходольский, «Л. И. взял с собой. После ознакомления переслал т. Черненко». Сведения о погодных условиях и состоянии посевов регулярно пересылались секретарями утренней и вечерней почтой на дачи в Заречье и Завидово. В результате с середины июня первые секретари обкомов и крайкомов КПСС сами наперебой звонили в приемную генсека и докладывали о состоянии зерновых и погодных условиях, не дожидаясь звонков брежневских секретарей. С одной стороны, такие практики отображали стремление Брежнева не выпускать власть из своих рук вплоть до последнего дня своей жизни, демонстрируя «недреманное око», с другой стороны, их также можно трактовать как выполнение Брежневым своей части «маленькой сделки». Даже за несколько месяцев до смерти, в июне 1982 г., мы находим у Брежнева давно уже ставшие традиционными для него записи: «Кунаев – обстановка нормальная [...] Кустанай – хорошо [...] Шакиров – Башкирия – вполне удовлетвор[ительная обстановка], рассчитыв[ает] на средний урожай. Оренбург – средний урожай не получится. Липецк – все хорошо»²⁸ и т.д.

«Народ не понимает и не желает понимать...»

Политика «маленькой сделки» существенно облегчила жизнь советского населения, но она же фактически завела руководство КПСС в ловушку. Как констатируют публикаторы выступления Л.И. Брежнева на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г., «взяв курс на всемерное повышение жизненного уровня населения, советское руководство неожиданно осознало, что народ не понимает и не желает понимать, сколь сложна эта задача для советской экономики». Низкие цены на продукты

---

²⁷ Записи секретарей приемной Л.И. Брежнева за 1981 г. см.: РГАНИ. Ф.80. Оп.1. Д.351. Л. 1-185.

²⁸ Запись от 29 июня 1982 г.

питания и тенденция роста заработной платы, повсеместно опережавшей производительность труда, стали серьезным бременем для народного хозяйства и вызывали нешуточную озабоченность руководства партии и государства. «Я часто задумываюсь над таким вопросом, – признавался Брежнев – Надо серьезно удовлетворять потребности народа, я задаю себе вопрос: где грань этим потребностям?»²⁹.

Брежневская эпоха – уникальный период истории советского государства, в ходе которого его граждане были как никогда сыты, одеты, обуты, а многие вещи, которые до этого оставались для них лишь недостижимыми символами «красивой» жизни – автомобили, мотоциклы, велосипеды, часы, бытовая техника – перестали быть только символами. Именно курс на «неуклонное повышение материального благосостояния советских людей», а не построение коммунизма можно считать главной национальной идеей эпохи Брежнева. Четвертый советский вождь был, как бы это парадоксально не звучало, истинным предтечей перестройки, поскольку ее корни лежали именно там, в брежневском времени, когда идея коммунизма отошла на второй план, а на первом плане оказался рубль, несмотря на все дефициты социалистической экономики. Еще одним главным результатом брежневской политики стала фактическая коадаптации политического строя и народа: «маленькая сделка» привела к тому, что вплоть до развала СССР большинство населения мыслило реформы только в рамках советской системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. 1964–1982 / под ред. С. Кудряшова. М., 2006.
- Деннингхаус В., Савин А.И. «Как бы Указ о евреях не отменять, а де факто не применять». Л.И. Брежнев, разрядка и еврейская эмиграция из СССР // Россия. XXI век, 2013. № 1. С. 130–159. (Don't Be Seen Repealing the Decree on the Jews—Just Don't Enforce It" L.I. Brezhnev, Détente, and Jewish Emigration from the USSR // Russian Studies in History. V. 52, № 4 (Summer 2013-Spring 2014). P. 19–44.
- Деннингхаус В., Савин А.И. «Смотришь, и Мане и Тане какой-то “Знак Почета” попадает...». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.
- Ерну В. Рождённый в СССР. М.: Ad Marginem, 2007.
- Крамולה. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953-1982 гг. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР. М., 2005.
- «Наши недостатки, трудности и проблемы не такие мелкие, чтобы можно было себе позволить закрывать на них глаза»: Засекреченное выступление Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. Вступ. статья, подгот. текста, коммент. Г.М. Ивановой и О.В. Ивановой // Россия. XX век. Архив А.Н. Яковлева. 2011. (URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/in-side/almanah-intro/1014759>).

²⁹ «Наши недостатки, трудности и проблемы...» 2011.

- Постановление Президиума ЦК КПСС «О подарках тов. Гагарину Ю.А. и членам его семьи» от 18 апреля 1961 г. // Вестник Архива Президента. Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина / под ред. С. Кудряшова. М., 2011. С. 354-358.
- Millar James R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review* 44 (1985), P. 697-698.

REFERENCES

- Vestnik Arkhiva Prezidenta. Spetsial'noe izdanie. General'nyi sekretar' L.I. Brezhnev. 1964–1982 / pod red. S. Kudryashova. M., 2006.
- Dennigkhaus V., Savin A.I. «Kak by Ukaz o evreyakh ne otmenyat', a de fakto ne primenyat'». L.I. Brezhnev, razryadka i evreiskaya emigratsiya iz SSSR // *Rossiia. XXI vek*, 2013. № 1. S. 130–159.
- Denningkhaus V., Savin A.I. «Smotrish', i Mane i Tane kakoi-to “Znak Pocheta” popadaet...». Brezhnevskaya «industriya» nagrazhdenii i sovetskoe obshchestvo // *Rossiiskaya istoriya*. 2014. № 2. S. 127–149.
- Ernu V. *Rozhdennyi v SSSR*. M.: Ad Marginem, 2007.
- Kramola. Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953-1982 gg. Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo Suda i Prokuratury SSSR. M., 2005.
- «Nashi nedostatki, trudnosti i problemy ne takie melkie, chtoby možno bylo sebe pozvolit' zakryvat' na nikh glaza»: Zasekrechennoe vystuplenie L.I. Brezhneva na Plenumе TsK КПSS 15 dekabrya 1969 g. Vstup. stat'ya, podgot. teksta, kom-ment. G.M. Ivanovoi i O.V. Ivanovoi // *Rossiia. XX vek. Arkhiv A.N. Yakovleva*. 2011. (URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/in-side/almanah-intro/1014759>).
- Postanovlenie Prezidiuma TsK КПSS «O podarkakh tov. Gagarinu Yu.A. i chlenam ego sem'i» ot 18 aprelya 1961 g. // Вестник Архива Президента. Sovetskii kos-mos. Spetsial'noe izdanie k 50-letiyu poleta Yuriya Gagarina / pod red. S. Kud-ryashova. M., 2011. S. 354-358.
- Dönninghaus V., Savin A. Don't Be Seen Repealing the Decree on the Jews—Just Don't Enforce It" L.I. Brezhnev, Détente, and Jewish Emigration from the USSR // *Russian Studies in History*. V/olume 52, № 4 (Summer 2013-Spring 2014). P. 19–44.
- Millar James R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review* 44 (1985), P. 697-698. Vestnik Arkhiva Prezidenta. Spetsial'noe izdanie. General'nyi sekretar' L.I. Brezhnev. 1964–1982 / pod red. S. Kudryashova. M., 2006.
- Dennigkhaus V., Savin A.I. «Kak by Ukaz o evreyakh ne otmenyat', a de fakto ne primenyat'». L.I. Brezhnev, razryadka i evreiskaya emigratsiya iz SSSR // *Rossiia. XXI vek*, 2013. № 1. S. 130–159.
- Denningkhaus V., Savin A.I. «Smotrish', i Mane i Tane kakoi-to “Znak Pocheta” popadaet...». Brezhnevskaya «industriya» nagrazhdenii i sovetskoe obshchestvo // *Rossiiskaya istoriya*. 2014. № 2. S. 127–149.
- Ernu V. *Rozhdennyi v SSSR*. M.: Ad Marginem, 2007.
- Kramola. Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953-1982 gg. Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo Suda i Prokuratury SSSR. M., 2005.
- «Nashi nedostatki, trudnosti i problemy ne takie melkie, chtoby možno bylo sebe pozvolit' zakryvat' na nikh glaza»: Zasekrechennoe vystuplenie L.I. Brezhneva na Plenumе TsK КПSS 15 dekabrya 1969 g. Vstup. stat'ya, podgot. teksta, kom-ment. G.M. Ivanovoi i O.V. Ivanovoi // *Rossiia. XX vek. Arkhiv A.N. Yakovleva*. 2011. (URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/in-side/almanah-intro/1014759>).

Postanovlenie Prezidiuma TsK KPSS «O podarkakh tov. Gagarinu Yu.A. i chlenam ego sem'i» ot 18 aprelya 1961 g. // Vestnik Arkhiva Prezidenta. Sovetskii kos-mos. Spetsial'noe izdanie k 50-letiyu poleta Yuriya Gagarina / pod red. S. Kud-ryashova. M., 2011. S. 354-358.

Dönninghaus V., Savin A. Don't Be Seen Repealing the Decree on the Jews—Just Don't Enforce It" L.I. Brezhnev, Détente, and Jewish Emigration from the USSR // Russian Studies in History. V. 52, № 4 (Summer 2013-Spring 2014). P. 19–44.

Millar James R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // Slav-ic Review 44 (1985), P. 697-698.

Андрей Савин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН; a_savin_2004@mail.ru

Виктор Деннингхаус, доктор исторических наук, профессор кафедры восточноевропейской истории Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига (г. Фрайбург, Германия), заместитель директора Нордост-института (Институт культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе, г. Лüneбург, Германия)

Course of compromise Political mutual adaptation of power and society under Brezhnev

This article offers an attempt to answer the question whether the time of the Brezhnev-‘stagnation’ really was the result of a long process of mutual adaption of the Soviet political system and society. The authors conclude that the political system and society largely adapted to each other in the 1960s – 1980s. The most important precondition was that Brezhnev's regime in fact rejected mass persecutions for political reasons and enforced labour. Instead, it concentrated on its efforts to raise people's living standard. Popular response was loyalty towards authorities; furthermore, ordinary people did not question official orders and rules in public. In the article, the authors focus his attention to the personal role of Leonid Brezhnev who achieved this stable compromise between power and people.

Keywords: Soviet political system, society, power, adaptation, Leonid Brezhnev.

Andrey Savin, PhD in history, senior research fellow, Centre for history of social and political development, Institute of History, Siberian branch of the RAS; a_savin_2004@mail.ru

Viktor Denninghaus, Dr Sc. (History), Professor, Department of History of Eastern Europe, University of Freiburg (Germany), deputy-director, Nord-Ost Institut (Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa, Lüneburg, Germany)